

МЕЖДУНАРОДНАЯ МОНАШЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СВЯТООТЕЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СВЕТЕ АФОНСКИХ ТРАДИЦИЙ:
ДУХОВНОЕ РУКОВОДСТВО

Екатеринбург, 27–29 мая 2016 года

МИХАИЛ ИЛЬИЧ ЯКУШЕВ,

кандидат исторических наук,
Вице-президент Аналитического центра КАТЕХОН,
директор международных программ Фонда Василия Великого

Русские поклонники Василий Барский и Кир Бронников на Афоне

На Седьмом Вселенском Соборе, ознаменовавшем победу над иконоборчеством, то есть торжество Православия, было принято определение, согласно которому Богу подобает служение, а иконам следовало воздавать поклонение. Данное определение получило характер церковного догмата, имевшего отношение и к теме православного паломничества. Вот почему в византийской церковной традиции паломники назывались «поклонниками», то есть богомольцами, совершавшими странствования с целью поклонения христианским святыням. Практически сразу после Крещения Руси поклониться святым местам православного Востока отправлялись богомольцы древнерусского государства. В XII столетии святую землю посетил игумен Даниил, оставив после своего путешествия подробное описание своего проскинитария. Эти традиции поклонения христианским святыням и описания своих «хожений» продолжили затем и другие «древнерусские поклонники», посещавшие территорию бывшей Византии, на обломках которой раскинулась великая империя Османской династии. Наиболее известным путешественником той эпохи, описавшим свое хождение, был москвит Василий Гость (1466 г.). Однако лишь почти столетие спустя следующим поклонником, оставившим нам описание своего странствия, стал смоленский купец Василий Поздняков, который в 1558 г. отправился с дарами царя Иоанна IV на православный Восток. Большой известностью пользовалось так называемое «Хождение Трифона Коробейникова», который в качестве царского посла по поручению Иоанна Васильевича Грозного сначала в 1552 г., а затем в 1594 г. по повелению царя Федора Иоанновича осуществил свои хождения на православный Восток. Традицию русских богомольцев продолжил казанский купец Василий Гагара, посетивший провинции Османской империи – Сирию, Палестину и Египет в период с 1634 и 1637 гг. Шел он из России «сухим путем» на Тифлис, Эривань, Ардаган, Карс, Эрзерум, Севастию, Кесарию, Алеппо, Амидонию, Дамаск, Иерусалим. Из русских поклонников XVII столетия,

пожалуй, самое видное место занимает Арсений Суханов, сначала архидиакон Чудова монастыря, а затем строитель Богоявленского монастыря, принадлежавшего Троицко-Сергиевой лавре. Будучи авторитетным представителем в церковных делах, Арсений Суханов получил высокое поручение своего правительства выехать в Палестину и Египет, куда он направился вместе с патриархом Иерусалимским Паисием в 1649 г., а прибыл лишь год спустя, встретившись также в Египте с патриархом Александрийским. Вернувшись в Россию четыре года спустя, в 1653 г., «сухим путем» через Палестину, Сирию, Грузию и Кавказ, он не застал в живых благословившего его в долгий путь патриарха Московского Иосифа, на кафедру которого взошел Никон, который снова направил его на православный Восток с целью приобретения новых греческих книг для успешной реализации исправления церковных книг и обрядов. Так, в начале 1654 г. Арсений был отправлен на Афон, откуда он вывез около полтысячи всевозможных книг. Вернулся Арсений из командировки два года спустя. В январе 1656 г. и был назначен келарем Троицко-Сергиевой лавры. К сожалению, загруженность Арсения на Афоне не позволила ему оставить для нас подробного описания монастырей и монашеской жизни их насельников.

Тем не менее, благодаря подвижничеству вышеперечисленных поклонников мы имеем интересные описания христианских святых мест в арабских провинциях Османской империи - Сирии, Палестине и Египте. Однако достоверных сведений о святой горе Афон на тот момент у русского правительства, равно как и у Греко-Российской церкви, не имелось.

Этот пробел удалось восполнить следующему поколению поклонников начала XVIII века. В 1681 г. в Бахчисарае, столице Крымского ханства, являвшегося субъектом Османской империи, был подписан Крымский, или Бахчисарайский трактат, в котором за русскими богомольцами закреплялось право свободно посещать святые места на территории Османской империи. Это право было подтверждено в Константинопольском мирном договоре России с Высокой Портой в 1700 г.

Главным и, пожалуй, самым подробным описанием своих почти что четверть вековых «хожений» по святым христианским местам стали опубликованные в конце XVIII столетия по распоряжению князя Григория Потемкина «Странствия Василия Григоровича-Барского по Святым местам с 1723 по 1747 год».

Следующее описание Афона конца XVIII века мы находим в «Описании путешествия отца Игнатия в Царьград, на Афонскую гору, в Св. Землю и Египет. 1766-1776 гг.», изданном в конце XIX в. под редакцией В.Н. Хитрово.

В середине 1845 г. Порфирий (Успенский) отправился на Афон, где пробыл до июня 1846 г., посетив все Афонские монастыри и тщательно изучив их библиотеки. Он составил подробный список рукописей, хранящихся на Афоне, а многие из них даже переписал. Результатом деятельности Порфирия (Успенского) явился его труд (в 2-х томах) по истории Афонской горы, охватывающий период с древнейших времен до середины XIX в. Он подробно описал природные условия Афона, наиболее интересные памятники архитектуры, объяснил происхождение названия местности, дал характеристику его жителей.

Но вернемся к «Странствованиям Григоровича-Барского, которое было в конце XIX века в четырех частях со 145 рисунками, под редакцией А.П. Барсукова – «с подлинной рукописи». Вот какую характеристику дает этому труду выдающийся церковный историк, профессор Московской духовной академии и заслуженный профессор Московского университета А.П. Лебедев (1845-1908): «Это такой памятник, равного которому нет ни у греков, ни в Европе, когда дело касается изучения внутренних сторон Греческой церкви XVIII в. Достоинство его мы можем обозначить только следующим неправильным, но на этот раз наиболее подходящим выражением: он, этот памятник, слишком хорош».

Так что же это за паломник Василий Григорович-Барский? По свидетельству его брата Ивана, Василий был еще с детских лет «любопытен» ко всяким наукам и художествам и «имел охоту видеть чужие страны». Это и послужило причиной решения Василия, оставив Киевскую академию, уехать с товарищем Иустином Леницким во Львов, где они прибегнули к хитрости и объявили себя уроженцами польского города Бара, чтобы попасть в иезуитскую академию, так как православных в нее не принимали. Вскоре обман был раскрыт, и приятелей изгнали вон. Во Львове путники сошлись с русским священником Стефаном Протанским, с которым Василий и Уилиан отправились в Пешт, оттуда – в Вену, Падую, Феррару, Пезаро, Фано и Анкону вдоль берега Адриатического моря – в Лорето. Там Барский настоял на том, чтобы сначала «пойти поклониться мощам угодника Божия Святителя Христова Николая» в Бари, а уж затем – в Рим. «Аще», пишет он, пойдем पहले к Риму, доволни будем видением величества, красоты и славы его и обленимся пойти поклониться мощем угодника Божия Святителя Христова Николая». Шли путники под палящим солнцем Калабрии. Напасти не прекращались: Василий потерял свои патенты, а пилигрим без патентов, по замечанию Барского, то же что «человек без рук, воин без оружия, птица без крил, дерево без листвия». У гробницы Николая Чудотворца в Бари Барский усердно со слезами молил Угодника Христова о нахождении патентов и исцелении больной ноги. И о чудо! Его патенты отыскались, а больная нога зажила! Но жестокая лихорадка сдерживает

Барского в Лоретто, в результате чего его спутник Иустин Леницкий не стал дожидаться выздоровления своего друга и отправился в Рим без него. После выздоровления одинокий странник Василий Барский посетил Рим, где целыми днями осматривал церкви и кардинальские дворы. Между прочим ему удалось даже воспользоваться гостеприимством самого Папы, который пригласил русского богомольца отобедать с ним. После трехнедельного осмотра вечного града Барский вернулся в Венецию, где познакомился со своим новым спутником бывшим архимандритом Тихвинского монастыря Рувимом Гурским. Наступила итальянская весна 1725 г. и с приходом тепла странника Василия потянуло на Святой Восток. С новым спутником Василий отправился морем на Корфу, затем на о-в Хиос, где повстречался с Иерусалимским патриархом Хринсафом. Там путники решили вместо Иерусалима (куда, по словам патриарха, требовалось много денег) отправиться на Афон только поклониться святыням, а потом возвратиться в отечество. Спутник Василия Рувим Гурский умер, и Барский в одиночестве отправился морем в Солунь, откуда пешком устремился на Афон. Он претерпел много путевых невзгод, обходя все монастыри. Постоянным местом проживания у него был монастырь Св. Пантелеймона. Ему пришлось вынести целое гонение за свое путешествие в Рим и обед у Папы. Его даже не допускали до Причастия, и только после архиерейского разрешения он был допущен к «Пресвятейшей Евхаристии». Получив сведения, что «повсюду мир и тишина слышатся», Барский вернулся в Солунь, чтобы оттуда сесть «безмездно», то есть «невозбранно», или бесплатно на корабль, отплывавший с поклонниками в Святую землю. Пройдя Родос и Кипр, Барский сошел на берег в Яффе, а оттуда пешком с караваном странников отправился в Иерусалим через Рамлю и другие арабские селения. Он был на Иордане и Мёртвом море, в Вифлееме, в лавре Саввы Освященного. Путешествовал по Синаю, Египту. В Каире патриарх Александрийский сжалился над ним и приютил на своем подворье. Барский к тому времени уже освоил латинский и греческий языки. Из Египта Василий Барский пошел на север в Сирию, в пределы Антиохийской церкви. Он побывал в Дамаске, Алеппо. Не найдя греческого священника, он исповедовался у арабского православного священника. В 1729 г. Василий Барский надумал вновь посетить Иерусалим, надеясь от Святых мест «совершенное получить здравие». Из Триполи он отправился через Назарет в Самарию. Под Иерусалимом русского путника ограбили и избили разбойники, отобрав у него даже одежду. Так без одежды и денег Барский не мог пройти, не заплатив местным мусульманским пикетам. Тогда наш богомolec прикинулся юродивым Христа ради, «безчинствуя и неподобная глаголяй и бех в поругание всему народу» и в таком виде пришел к Пасхе в Иерусалим. Затем вновь прошел всю Палестину, описал

увиденное. Из Триполи Барский хотел вернуться через Константинополь в Киев. Но остался на целых пять лет жить и учиться в патриаршем православном училище для более глубокого изучения греческого языка. Из Триполи Барский выезжал в Египет к Александрийскому патриарху Косме для принятия благословения его к собиранию милостыни. Антиохийский патриарх Сильвестр познакомился с Барским в Дамаске и, полюбив его, пожелал удержать его подле себя. 1 января 1734 г. он постриг Василия в монашеский сан. Однако все это не изменило желаний Барского удалиться из Дамаска. Вновь продолжились странствия по Великой Сирии. Барский посетил Кипр, затем переехал на Патмос из-за начала русско-османской войны 1736 г. на Патмосе Барский получил известие о кончине отца, однако он отказал просьбе матери и брата вернуться в Киев.

Весть о пребывании на Патмосе удивительного русского монаха-пешехода дошла до самой императрицы Елизаветы Петровны и графа Алексея Григорьевича Разумовского. В мае 1743 г. Барский получил от нашего резидента в Царьграде А.А. Вешнякова письмо, в котором он сообщал, что вследствие Высочайших Ея Императорскаго Величества указов Барский вызывается в Константинополь, «понеже здесь», пишет Вешняков «в персоне вашей особливо не без нужды есть». С печалью и неохотою покинул Барский Патмос, сев на корабль в день святого Иоанна Богослова 26 сентября 1743 г., но уже вооруженный султанским фирманом на свое имя. Находясь под покровительством двух августейших особ – российской императрицы и османского падишаха – Василий Барский стал пожинать плоды своих многолетних трудов. При вступлении на о. Хиос Барского было остановил таможенный чиновник из евреев, но, увидев фирман, тотчас пропустил русского монаха. Когда о приезде на Хиосе узнали иноки монастыря Агиамона, то прислали к Барскому целую депутацию «от соборных старцев» с просьбой посетить их монастырь. На это приглашение Барский с иронией им заметил, что он уже дважды посещал их монастырь и тогда был ими принят как хударизец, просящий хлеба. Это замечание Барский сделал старцам с той целью, чтобы обличить их «тогдашнее нестраннолюбие и нынешнее ласкательство». Но, не желая показать «по себе гордости и презрения образ», принял их приглашение. На Хиосе к Барскому приходило множество русских невольников, мужчин и женщин, с просьбой ходатайства об их освобождении из пленения. Барский принял самое сердечное участие в их горе и обещал сделать в Царьграде все от него зависящее. В 1743 г. он увидел с моря османскую столицу – «царствующий град». А.А. Вешняков, познакомившись с трудами Барского «похвалил его пред всеми» и дал ему «милостыню не малу», пригласив его к господней трапезе. Полученными деньгами он распорядился следующим образом: часть из них потратил на

покупку книг, другую на одежду; третью и бóльшую часть он послал на о. Патмос в монастырь св. Евангелиста Иоанна Богослова «не вместо милостини», замечает Барский, но «вместо благодарствия за благодеяние и милостину», а остальную и малую часть денег оставил у себя на всякий случай.

Резидент Вешняков всячески хотел оставить при своей дипломатической миссии Барского. Он даже включил его в состав своей свиты на аудиенцию к великому визирю. Затем вознамерился назначить Барского «своим капелляном», что весьма смутило ученого монаха. Но Барского вновь манило в паломничество, и в мае 1744 г. снабженный Вешняковым новым султанским фирманом, Барский вторично вступил на св. Афонскую Гору. На этот раз нашего Барского приняли на Афоне не так, как в первый раз, но с «многократною любовью и почитанием». Эту перемену Барский объяснил следующим образом: во-первых, своим знанием греческого языка; во-вторых, величию России, от которой греки, наипаче же иноки, чаяли получить избавление; и в-третьих, Барский был почтен фирманом «от Царьграда и грамотой от високороднаго господина резидента Алексея Андреевича Вешнякова». Эти обстоятельства позволили Барскому проникнуть в самые сокровенные монастырские архивы, что позволило ему, по словам митрополита Евгения, своим подробным описанием Афона познакомить с богатством исторических источников, скрывавшихся в Афонских библиотеках.

Описанием своего вторичного посещения Афона завершает Барский рукопись своих странствований по Святым местам Востока, а с тем вместе и свою биографию. С Афона он пошел в Салоники, затем в Трикалу и Арту, посетил монастыри в Метеорах. Затем отплыл в Патрас, а оттуда посетил Калаврит, Афины, о. Крит. В середине 1746 г. он вернулся в Константинополь, где нашел неблагоприятную для себя перемену. На место умершего в 1745 г. Вешнякова прибыл новый дипломат Адриан Иванович Неплюев, который сразу же невзлюбил Барского, которого недоброхоты уже успели оклеветать новому резиденту. Неплюев угрожал первым пароходом под стражей отправить Барского в Петербург, что побудило русского монаха спешно покинуть османскую столицу и отправиться на родину. Через Бухарест, Яссы, Могилев в Киев. Домой он прибыл 5 сентября 1847 г. и через месяц умер. Тело инокa Василия было торжественно погребено в Киево-Братском монастыре. В гроб с ним положили разрешительную грамоту патриарха Иерусалимского Хринсафа.

Изданные в конце XVIII века по распоряжению светлейшего князя Потемкина-Таврического хождения Василия Григоровича-Барского вдохновили и подвигли целую плеяду богомольцев-поклонников, устремившихся на Православный Восток на поклонение Святым местам Палестины. Среди них в начале XIX столетия был один из самых

известных и необычных русских поклонников житель села Павлово Горбатовского уезда Нижегородской губернии крепостной крестьянин графа Дмитрия Николаевича Шетеметева (1803–1871) Кир Бронников. Он совершил паломничество в Палестину в 1820–1821 гг. Маршрут Кира Бронникова до Иерусалима пролегал через Одессу, Царьград, Яффу и Рамлу.

Еще до прибытия Бронникова в порт Яффа туда был командирован из русской дипломатической миссии в Константинополе на место постоянной службы первый российский вице-консул в Яффе Георгий Мострас (1820–† 1838 гг.). В сентябре 1820 г. Мострас получил от российского посланника в Царьграде два рекомендательных письма на имя Бронникова и его спутника отставного лейб-гвардии конного полка поручика Егора Бессаровича, которым вице-консул предоставил *кавваса* (араб. стража, охранника) и говорящего по-османски русского слугу. Примечательно, что Бронников был чуть ли не первым паломником, который застал и описал начальный период антиосманского восстания греков. Сразу после Пасхи в Иерусалиме он почувал что-то неладное и с помощью российского консула спешно добрался до Яффы, чтобы продолжить свое паломничество. Простившись с Мострасом, Бронников отчалил на корабле на святую гору Афон. На борту с русским богомольцем были греки, болгары, молдаване и русские с Афона. К пассажирам присоединились и турки, но, услышав «неприятные слухи, убоявшись, на наемных лодках уехали на Родос». Еще перед отплытием Кира Бронникова на Афон Мострас предусмотрительно выписал ему консульское свидетельство на греческом языке за своей подписью и печатью. Бывший с вице-консулом поручик Бессарович, со своей стороны, дал Бронникову «для руководства» выписку на случай, «ежели из Афонской горы в Россию через Константинополь ехать будет не можно». Бессарович советовал своему бывшему спутнику по паломничеству следовать через Ионические острова в Морею, а оттуда – в Австрию. Тем не менее, путешественники продолжили свое паломничество, зайдя на о-ва Родос, Патмос, Хиос, Ипсар. Только на Ипсаре пассажиры узнали о вспыхнувшем на Пасху в Царьграде греческом восстании, в результате которого Константинопольский патриарх Григорий V был в тот же день, 10 апреля, «умерщвлен поносною смертию», будучи повешенным османами во всем праздничном патриаршем облачении на воротах своей резиденции.

Причалив к афонскому берегу, русские поклонники сумели посетить практически все двадцать монастырей, включая монастырь св. Пантелеимона («прежде бывший Русский», замечает Бронников), которым тогда владели греки, а также русский скит святого пророка Илии. По сведениям Кира Бронникова, в нем подвизалось братии до сорока человек.

Все они были российскими подданными из черноморских, донских и частично малороссийских казаков. В афонском монастыре Дионисиата Кир Бронников вручил игумену монастыря письма, которые были переданы ему с этой целью в Москве. Несмотря на все уговоры погостить в монастыре, Бронников отвечал, что не намерен долго оставаться на Святой горе. Тогда игумен рекомендовал русскому гостю возвращаться в Россию, минуя Константинополь, поскольку сам был на Пасху в османской столице и видел все, что там происходило.

Сообщая о Ватопедском монастыре, Бронников описывает чашу, которая, по заверениям тамошних насельников, находилась в руках Спасителя во время Тайной Вечери. Здесь наш поклонник попутно замечает об упоминании сей чаши своим знаменитым предшественником Василием Григоровичем-Барским. Посетив все двадцать святогорских монастырей и скитов, Кир Бронников заключает, что в них пребывают представители «разных народов»: греки, болгары, сербы, молдаване и россияне. Всего около 15 тысяч человек, «но верного счета и сами отцы не знают, потому что у них одни за сбором милостыни из монастырей посылаются, другие с собранным в монастыри возвращаются, а иные без спросу по своему желанию из Святой горы в другие места жить переходят, а некоторые вновь приходят». В своем «Путешествии» Бронников искренне сокрушается, что «по причине смутных обстоятельств» не мог вернуться в Россию через Царьград, а должен был ехать через Австро-Венгрию. Предвидя значительные расходы на обратном пути, он сожалел, что по этой причине во всех афонских монастырях жертвовал «очень немного». Правда, при этом он отмечает, что святогорские монахи и «этим скромным пожертвованиям оставались весьма довольны», принимая с благодарностью и не выказывая ни малейшего неудовольствия по этому поводу. Более того, Кир Бронников был приятно удивлен, что «за сие...малое подаяние» снабжали его на дорогу вином, хлебом, маслинами и рыбой», как того требовало святогорское гостеприимство.

Посещая и описывая монастыри, Бронников заметил и «великое беспокойство между всеми жителями Горы». Каждый день в Карее (совете депутатов афонских монастырей. – *М.Я.*) собирались определенные на то представители, или «первенствующие монахи» и решили, какие было необходимо принять меры для предотвращения грозящей им от османских властей беды. В карее для обороны Афона набирали из монастырей крепких и молодых монахов и "бельцов" (представители белого духовенства. – *М.Я.*), распределяли пушки, ружья, порох и копья. Во всех монастырских кузницах, токарях вновь приступили к изготовлению разных военных орудий. У Солунского перешейка, при узком проходе в гору поставили усиленный вооруженный караул с пушками снарядами,

благословив защитников употреблять любую пищу. Все на Афоне, по свидетельству Бронникова, «ежечасно ожидая турок, день и ночь трепетали». 5 июня 1821 г. архимандрит Иверского монастыря Кирилл и отец Сильвестр разыскали по просьбе Кира Бронникова знакомого владельца судна из греков, чтобы тот перевез 13 русских поклонников с Афона на греческий остров Скопелос, находившийся на расстоянии 70 миль от Святой горы за общую плату в 200 левов. В тот же день разнеслась молва о разгроме сельскими жителями-греками трехсот турок, шедших на Афон. Вскоре донесся слух, что из Фессалоник, столицы Солунского пашалыка, выдвинулось прямо на Афон османское войско численностью до двух тысяч человек и уже находилось в четырех часах от Святой горы Афон. На своем пути они сжигали греческие села и деревни. Спасаясь от турок, женщины, для которых вход на Афон был категорически запрещен, укрылись «внутри Горы». 9 июня (21 июня по нов. ст.) владелец судна получил от монашеского правления в Карее святогорское свидетельство о том, что греческий корабельщик везет до о-ва Скопелоса возвращающихся в Россию из Иерусалима русских поклонников, посетивших все афонские монастыри. Кир Бронников простился с игуменом и братией Иверского монастыря, которые на его Синайском поклонническом свидетельстве поставили подпись со скитскою печатью. Три дня спустя судно с русскими богомольцами отчалило от Афона. От бедных беглецов-греков с попутного корабля они узнали о том, что в Османской империи на всех островах началось «тоlikое возмущение, или междоусобие», в ходе которого турки без всякой пощады резали греков, а в других местах греки резали турок: «где более турок, там и власть их; а где усиливались греки, там истребляемы были турки». На другой день, 13 июня, поклонники прибыли на о-в Скопелос. Далее они причалили к о-ву Идра. 11 августа наши странники вошли в Триестскую гавань, где встретились с группой беженцев из 60-ти человек под предводительством консула Мостраса, который из-за угрозы жизни русских поклонников и своей жизни был вынужден спешно покинуть Яффу, оставив в ней свою семью.

В Москву Кир Бронников вернулся лишь 15 ноября 1821 г., а через три года в свет вышла его книга путешествий ко святым местам. Уникальность этого труда заключается в том, что помимо подробного описания достопримечательностей и святых мест Палестины и Афона, в ней описываются обычаи и нравы местных жителей и османских властей. Следует учесть, что описываемые автором события происходили на его глазах или записывались со слов свидетелей драматического периода в истории Османской империи в самом начале греческого восстания. Но, несмотря на информацию о начале антиосманских выступлений и карательных операций против православного греческого населения,

русские паломники предпочли завершить паломнический осмотр святой горы Афон, где их жизни угрожала смертельная опасность.

Описания Василия Григоровича-Барского и Кира Бронникова, написанные авторами в жанре путевых и дневниковых заметок, стали логическим продолжением и развитием традиции русского паломничества на Святую землю Палестины и Афона, вызывавшие огромный интерес не только у читателей XVIII, XIX веков, но и у современных читателей.